

ИДЕНТИЧНОСТЬ «БОРЕЦ С ТОТАЛИТАРИЗМОМ» В СОЦИАЛЬНОЙ ПРАКТИКЕ ВЛАДИМИРА БУКОВСКОГО

Серебрякова Елена Геннадьевна

К.филол.н., доцент,

Воронежский государственный университет

Serebrjakova@phipsy.vsu.ru

IDENTITY «THE FIGHTER AGAINST TOTALITARIANISM» IN THE SOCIAL PRACTICE OF VLADIMIR BUKOVSKY

E. Serebryakova

Summary. The author explores the identity of the “fighter against totalitarianism” in the social practice of Vladimir Bukovsky, which is typical in the self-identification of Soviet dissidents in the second half of the 1960s and 1970s. The article shows the origins of this identity, orientation to the texts and behavioral patterns of the People’s will, the transformation of the original model in the Soviet realities. The texts of Bukovsky «A Handbook on Psychiatry for Dissenters» and an autobiography «And the wind returns» (English version of the name is «To build a castle: my life as a dissenter») are the materials of the author’s research.

The literary and journalistic activity of Bukovsky, as well as the other dissidents, was assessed as an invariant of oppositional public actions. The identity of the “fighter against totalitarianism” is comprehended as collective in the social practice of dissidents.

Keywords: Bukovsky, behavior model «fighter against totalitarianism», non-conformism, social-cultural identity.

Аннотация. Автор исследует специфику идентичности «борец с тоталитаризмом» в социальной практике Владимира Буковского, типичной в самоидентификации советских диссидентов второй половины 1960-х-1970-х годов. В статье указаны истоки данной идентичности, ориентация на тексты и поведенческие образцы народовольцев, трансформация исходной модели в советских реалиях. Материалом исследования выступают тексты Буковского «Пособие по психиатрии для инакомыслящих» и автобиография «И возвращается ветер».

Литературно-публицистическая деятельность Буковского, как и других диссидентов, оценена как инвариант оппозиционных общественных акций. Идентичность «борец с тоталитаризмом» осмыслена как коллективная в социальной практике диссидентов.

Ключевые слова: Буковский, модель поведения «борец с тоталитаризмом», неконформизм, социально-культурная идентичность.

Владимир Буковский играл заметную роль в советском диссидентском движении 1960–70-х годов. Он был неизменным участником гражданских акций неконформистов: чтения стихов на площади Маяковского, создания и распространения самиздата, «Митинга гласности» на Пушкинской площади, демонстраций против уголовного преследования за инакомыслие. Пройдя через принудительное психиатрическое лечение и неоднократные аресты (в общей сложности провел в заключении 12 лет), Буковский инициировал обращение к мировой общественности для защиты диссидентов от карательной медицины и содействовал созданию в СССР специального комитета. Статус лидера «антисоветчиков» был подтвержден руководством страны в 1976 году, обменявшим его на руководителя чилийской коммунистической партии: политический масштаб Луиса Корвалана и Владимира Буковского был оценен властью как соразмерный.

Современные исследования советского неконформизма не обходятся без упоминания имени диссидента и цитат из воспоминаний «И возвращается ветер» (1978), «Письма русского путешественника» (1980), «Московский

процесс» (1996) [1, 3, 13,]. В иностранных работах Буковский именуется «убежденным противником сталинизма» (Филипп Бубайер) [17, р. 102], «первопроходцем гласности» (Роберт Хорват) [18, р. 186]. Однако, признавая авторитет Буковского, ученые исследуют его социальную позицию лишь в общем контексте диссидентского движения, выявляют в модели поведения не уникальность, а типологию. Данный подход кажется нам симптоматичным. Действительно, социальные действия Буковского соответствуют стандартам оппозиционного поведения советских диссидентов, общепринятым в сообществе способам объяснения событий и поведенческим реакциям. Демонстрируя позицию сообщества, он выражал коллективную идентичность. Соответственно, анализ его личностной идентичности позволит выявить специфику диссидентского самосознания и социальных практик всего сообщества.

От «борца с самодержавием»
к «борцу с тоталитаризмом»

XX и XXII съезды партии утвердили в сознании либеральной интеллигенции восприятие своей эпохи как

рубежной, интенсифицировали потребность соотнести свою частную жизнь с историей страны и народа. Произвести самооценку помогал прием аналогии: собственная биография сравнивалась с образцовой, поведение моделировалось по примеру авторитетов, сформированных культурной традицией.

В автобиографии «И возвращается ветер...» Буковский описал свой юношеский опыт социального самоопределения, указал исходный поведенческий образец — революционеры-подпольщики. Девочкой, воспитанной членами первого революционного поколения, считавшего себя «любимцами истории», ощущала себя Людмила Алексеева [16, р. 10]. О влиянии революционных примеров на свое мировосприятие рассказывал Шаламов: «Книгу Ропшина (Бориса Савенкова — Е. С.) «То, чего не было» всю почти помню на память. <...> Это книга о поражении революции 1905 года. Но никогда еще книга о поражении не действовала столь завлекающе, вызывая страстное желание стать в эти же ряды, пройти тот же путь, на котором погиб герой. <...> Для меня он и его товарищи были героями, и мне хотелось только дождаться дня, чтобы я сам мог испытать давление государства и выдержать его, это давление. Тут вопрос не о программе эсеров, а об общем моральном климате, нравственном уровне, который создают такие книги» [15, с. 94–95].

Безусловно, в массовом сознании советских интеллигентов проекция такого рода не могла быть полной и точной. Образы пламенных революционеров претерпевали влияние советского дискурса, акцентировавшего в них героико-романтический ореол. Тем не менее образы, знакомые по кинофильмам и школьным учебникам, задавали парадигму самоосмысления.

Канонические поведенческие модели позволяли нонконформистам встроиться в единый ряд передовой свободолобивой интеллигенции предшествующего столетия, ощутить себя не соглядатаями истории, а ее непосредственными участниками, наполнить персональную биографию историческим смыслом.

Ориентация на образцы, возможно, не всегда была осознанной дублерами и отрефлексированной сообществом. Как известно, во время судов над инакомыслящими обвиняемые, осознавая predeterminedность приговора, не признавали себя виновным, а использовали последнее слово для публичной декларации своей гражданской позиции. Эту традицию заложили в 1966 году Синявский и Даниэль, поразив либеральную интеллигенцию решимостью и отвагой. Поведение подсудимых было воспринято сообществом как не имеющее аналогов, хотя образец, на наш взгляд, очевиден: именно так вели себя на судах народовольцы. Многократно описан-

ные в мемуарах (воспоминания Анатолия Кони, председательствовавшего на суде Веры Засулич [9, с. 135–181], или Владимира Короленко «История моего современника» [10, с. 49–50]), исследованные в научной литературе (в 1960-е годы в историографии наблюдается повышенный интерес к освободительному движению в России. Вспомним труды Милицы Нечкиной [11], Николая Троицкого [14]), образцы поведения народовольцев были хорошо известны широкой аудитории и героизированы общественным сознанием как XIX, так и XX веков. Кодекс поведения революционера на суде предполагал использовать последнее слово для программной речи, провозглашать верность идеалам, не раскаиваться, не выдавать товарищей, не просить о помиловании [14, с. 129–132]. Так же вели себя на суде в 1967 году Буковский, Вадим Делоне и Евгений Кушев: «Мои ребята <...> вины не признали. Я говорил долго <...>. Но сказал все, что хотел. Тряс под носом у прокурора трехкопеечной Конституцией, метал громы и молнии и под конец обещал им после освобождения устроить новую демонстрацию» [5, с. 280]. Анекдотический дискурс, найденный автором спустя десятилетие после пережитого, не меняет семантики поведения: диссиденты на суде цитировали действия «борцов с самодержавием».

Проекция позволяла диссидентам осмыслить свою личную жизнь в контексте истории, найти психологическую опору индивидуальным поступкам в ощущении непрерывной традиции собственной жизни и великих предшественников. Отождествлять себя с борцами за свободу означало ощущать себя субъектом истории, находящимся в гуще борьбы исторических формаций, подкреплять личностное поведение признанным авторитетом, легитимировать право на существование сообщества современных борцов с режимом.

Ценность поступка в аксиологии диссидентов

Современный исследователь справедливо определил диссидентство как культуру поступка [8, с. 114]. Действительно, базовым свойством самосознания шестидесятников было понимание себя как личности социально действенной. Диссидентский поступок имел важную качественную характеристику — целенаправленную оппозиционность режиму. Нарушение нормативности поведения во взаимоотношениях с властью вошла в семантику действий. Буковский признавался, что организация поэтических выступлений на площади Маяковского была для него «лишь поводом, одним из пунктов несогласия» [5, с. 136]. В том же духе высказывались другие диссиденты: «Наш образ жизни был вызовом системе» (Андрей Амальрик) [2, с. 13], «Формула нашего диссидентства <... > — открыто протестую против гнусностей режима» (Юлий Ким) [12, с. 218].

Легальность сопротивления и гласность явились основными поведенческими приемами: принципы демократизации общественной жизни должны были обрести наглядное воплощение в митингах и демонстрациях, бесцензурных самиздатских изданиях, петиционных кампаниях, пресс-конференциях для западных журналистов и других формах. «Подпольность» сопротивления (свойство антиправительственных организаций сталинской поры) идентифицировалась как отживший себя метод. Буковский так мотивировал неприятие нелегальной оппозиционности: «... к демократии не идут подпольным путем. Нельзя учиться у врагов, если хочешь быть не таким, как они. Подполье рождает только тиранию, только большевиков любого цвета» [5, с. 115]. Петр Григоренко, подбирая название для своих воспоминаний, подтверждал: «В подполье можно встретить только крыс...» [7].

По определению Павла Литвинова, группа первых активистов движения сложилась стихийно к 1967–1968 годам [12, с. 276]. Буковский называл более раннюю дату — 1965–1966 годы [5, с. 145]. Если помнить, что в это время неконформисты перешли от разрозненных индивидуальных к согласованным коллективным действиям (борьба за пересмотр приговора Бродскому, петиционная кампания по делу Синявского и Даниэля, «Митинг гласности»), то станет ясно, что именно групповые выступления сформировали диссидентство.

Коллективность протестного выступления предполагает общность мотивов, согласованность действий всех членов группы, усиливает общественный резонанс, накладывает на участников большую моральную и юридическую ответственность. Совпадение личных и групповых интересов обеспечивалось добровольным, глубоко осознанным участием в движении. Буковский вспоминал: «Никто не «поручал» Гинзбургу собирать материалы процесса Синявского и Даниэля (так называемую «Белую книгу»), а Галанскову — литературный сборник «Феникс-66», никто не заставлял Лашкову все это печатать, а нас с Витькой Хаустовым — устраивать демонстрацию, когда их арестовали» [5, с. 259]. С ним солидаризировался Григоренко: «Никто не организует их работу, не учит, как действовать, не вовлекает в движение. Каждый, кто чувствует себя личностью, кто хочет быть личностью, кто не хочет самоуничтожиться, подчиняясь произволу властей, вливается в движение и делает сам, по собственной инициативе, по внутреннему зову то, что считает необходимым для защиты личности» [7, с. 432]. «Содружество» — так определяли новое гражданское течение авторы.

В условиях усиливающейся конфронтации либеральной интеллигенции и власти сообщество диссидентов было вынуждено герметизироваться, личные связи приобретали особую значимость, взаимопомощь стала

общественным поступком. Лариса Богораз вспоминала о психологической поддержке, полученной после ареста Даниэля: «... даже мало знакомые мне люди прибежали — не надо ли чем помочь, что и говорить о давних Юликовых друзьях. Я, пожалуй, и не припомню таких, кто отшатнулся бы. Думаю, что именно это время положило начало новой интеллигентской традиции — смыкаться вокруг людей, оказавшихся в беде. Политические репрессии перестали восприниматься как личная трагедия, а стали фактом общественной судьбы» [4, с. 117]. Солидарность с репрессированными вышла за границы бытового поведения и приобрела характер социальной акции.

«Пособие по психиатрии для инакомыслящих» в системе самозащиты сообщества

В практике сообщества взаимопомощь становилась элементом системы, включалась в общий контекст протестных действий: массовых петиционных кампаний, заявлений в адрес мировой общественности и прочее — и как бы перерастала первоначальный смысл и значение. Поддержка заключенным стала фактом общественного неповиновения.

Одной из самых разработанных тем в тезаурусе диссидентов стала карательная психиатрия. Буковский, испытав неоднократное заключение в психиатрических больницах, знал, насколько важны для инакомыслящих практические рекомендации по поведению в экстремальных условиях врачебной экспертизы и вероятного принудительного лечения. Соавтором «Пособия по психиатрии для инакомыслящих» (после 1973 года) выступил врач-психиатр Семен Глузман.

Авторская стратегия подчинялась решению нескольких конкретных задач: информационной — рассказать читателям внутри страны и за рубежом о системе психиатрического освидетельствования и условиях содержания в СПб; практической — подготовить жертву карательной медицины к эффективной самозащите; нравственно-этической — поддержать морально.

Чтобы преодолеть ситуацию, ее надо осмыслить. Для этого, во-первых, дана справка о специфике диагностирования. Во-вторых, названа главная причина медицинского преследования инакомыслящих — социальный заказ. Затем названы самые распространенные диагнозы («вялотекущая шизофрения» и «паранойальное развитие личности») и описана их симптоматика. Поскольку субъективные наблюдения специалиста определяют вынесенный диагноз и судьбу пациента, авторы выявляют наиболее характерные психологические типы врачей: «начинающий психиатр», «ученый», «диссертант», «воль-

терьянец», «обыватель», «профессиональный палач». Очевидно, что данная классификация строится на основании предполагаемых профессиональных действий в адрес инакомыслящего.

Самая важная часть с практической точки зрения — центральная, в ней содержатся конкретные поведенческие рекомендации. В условиях явного превосходства противника рекомендуется использовать тактические приемы, способные уберечь от заключения в СПБ: «ускользание», «обман», «признание своей вины» и даже негативистские самооценки: «хотел прославиться, стать известным; не понимал серьезности последствий, не посмотрел на себя со стороны; не понял, что зашел слишком далеко» и тому подобное» [6, с. 154]. Как видим, прагматика рождала игровую тактику. Авторы пересмыслили ситуацию: из разряда трагического противостояния с predetermined исходом перевели ее в интеллектуальное состязание, убеждая потенциальную жертву в возможности переиграть противника.

Буковский и Глузман, работая над текстом, двигались вслед за Есениным-Вольпиным, написавшим «Юридическую памятку» диссидентам, вызванным на допрос (1968 год). Владимир Альбрехт создал памятку «Как быть свидетелем» (1976 год). Так из личного опыта оппозиционеров слался коллективный опыт сообщества.

И вновь мы встречаемся с поведенческой цитатой: первые письменные рекомендации по поведению после ареста и на суде издавали народовольцы. Культурные образцы, сохраненные коллективной памятью, были воспроизведены как универсальные и адекватные ситуации.

Моральная, финансовая, бытовая взаимопомощь стала принципом существования диссидентов и получила институциональное оформление в создании специальных Комитетов. В 1969 году создана «Инициативная группа по защите прав человека в СССР», трансформированная в ноябре 1970-го в «Комитет прав человека в СССР», зимой 1973–1974 годов — «Фонд помощи политзаключенным». В 1975-м начала работу советская секция движения «Международная амнистия», в 1976-м образована «Московская Хельсинская группа» и «Христианский комитет защиты прав верующих в СССР». В 1977-м — «Рабочая комиссия по расследованию использования психиатрии в политических целях». Структурно оформившись, создав институции, альтернативные официальным, общество укрепляло жизнеспособность, стремилось приобрести статус политического субъекта.

Текст как социальная акция

Текст, курсирующий в общем информационном поле сам- и тамиздата, занимал свое место в общем ряду оп-

позиционных действий и являлся одним из вариантов выражения общественного неповиновения властям. В литературно-публицистической деятельности диссиденты стремились решить целый комплекс задач:

- ◆ интеллектуальную: осмыслить причины неудач социальной политики (ресталинизации и нарушения гражданских свобод), смоделировать возможные варианты развития страны («почвеническую», либерально-демократическую и другие), спрогнозировать перспективы;
- ◆ информационную: дать полные сведения о собственных целях и задачах, позволить читателю самостоятельно делать выводы о гражданской и нравственной состоятельности их акций;
- ◆ идеологическую: склонить общественное мнение в пользу неконформистов, лишенных права голоса на страницах официальной печати;
- ◆ дидактическую: указать современникам пути оздоровления страны, воспитать последователей;
- ◆ нравственно-этическую: разоблачить несправедливый характер обвинений в их адрес как «внутренних врагов», «пособников империализма»;
- ◆ социальную: мобилизовать граждан к борьбе за права личности и социальное оздоровление;
- ◆ практическую: представить соотечественникам и мировой общественности материал, способный затруднить карательные меры в их адрес.

Задачи рождали авторские стратегии — защиту единомышленников, дискредитацию идейных противников, легитимацию неконформистской модели писательского и гражданского поведения. А значит, текст наделялся в большей степени социальными полномочиями, чем литературными. Этим объясняется высокая степень идеологической заряженности и художественная неоднородность представленных в сам- и тамиздате материалов.

Авторская стратегия менялась после эмиграции. Оказавшись на Западе, автор должен был реализовать стратегию адаптации: ему предстояло утвердиться в ином социокультурном пространстве. Автобиография, изданная по горячим следам за депортацией, являлась прекрасным способом самопрезентации. Интерес западного обывателя к личности автора подогревался международным скандалом, как правило сопровождавшим его высылку из страны.

Буковский признавался, что, оказавшись в Англии, он должен был по договоренности с издательством очень быстро, за 4 месяца, написать книгу о себе. Для скорейшего выполнения заказа в качестве редактора и помощника была приглашена Наталья Горбаневская, к этому времени также высланная из Советского Союза. Совместные усилия дали результат — автобиография «И возвращается ветер...» была написана в срок [12,

с. 215–216]. Таким образом, адаптация в новом культурном пространстве подтверждена автором как весьма значимая цель творчества.

Авторская стратегия определила тип нарратива. Ориентируясь на западного читателя, автор создал в тексте модель мира и человека, адекватную логике «холодной войны» и стереотипам массового сознания.

В автобиографии мы видим биполярный мир, расколотый на два враждебных лагеря — «свой» и «чужой», оцененный с этических позиций. «Чужой» — советское государство, враждебное естественной потребности человека в правде и праве на самореализацию. «Свой» — небольшой круг духовно свободных граждан, не вступающих в сделку с совестью. Конфликт сторон представлен как неизбежный и неотвратимый. Диалектика характера заменена многократным подтверждением статуса «борец с тоталитаризмом» в ходе противостояния власти. Этапы биографии слагаются из раннего прозрения (в школе); этического позыва вступить в борьбу (неприятие лживой идеологии, потребность остановить реставрацию сталинизма); первого поединка, приведшего к крутому повороту судьбы (исключению из вуза); ряда испытаний (тюрьмы, психбольницы), укрепивших решимость; нравственной стойкости в заключении и высылки из страны как этапа непрекращающейся борьбы с советской властью. Такая схема утверждала в сознании читателя героизированный образ борца, вызывала сочувствие.

Однако самоидентификация включает в себя и игровой момент. Государство сделало героя изгоем, лишило надежды социализироваться. Однако если человек не имеет ни работы, ни семьи, он свободен и неуязвим. В частной борьбе с режимом аутсайдер ведет и выигрывает.

Противостояние власти и диссидентов трактуется в духе авантюрного романа: это непрерывное состязание с переменным успехом каждой из сторон. Тактика диссидента сводится к парадигме протеста. Власть действует в соответствии с парадигмой репрессий. В этой перманентной войне власть можно переиграть тактически, изнурить в бесконечных тяжбах. Конструирование образа ловкого хитреца, рассказы об авантюрных способах преодоления опасности задает эмоциональные доминанты нарративизации советской жизни, которые можно назвать анекдотической и авантюрно-приключенческой. Очевидно, что они наиболее доступны для восприятия зарубежного читателя, не имеющего опыта жизни в социалистическом обществе.

Логике авантюрного романа соответствует авторский дискурс: основным средством доказательства собственной позиции является высмеивание позиции оппонента. Обличительному пафосу соответствует поэтика памфлета, фельетона и анекдота. Сарказм позволяет автору продемонстрировать полное отчуждение от советского образа жизни, зафиксировать свое символическое место в ином типе культуры — западном.

Подведем итог. Идентичность «борец с тоталитаризмом», реализуемая Буковским в социальной и литературной практике, типична для нонконформистского самосознания второй половины 1960-х–1970-х годов. Ее формирование производилось по модели «борец с самодержавием», трансформированной в соответствии с советскими реалиями. Литературно-публицистическая деятельность Буковского, как и других диссидентов, была инвариантом оппозиционных общественных акций. Это определяет конкурентную авторскую стратегию и тип нарратива, используемый автором.

ЛИТЕРАТУРА

1. Алексеева Л. История инакомыслия в СССР: новейший период. Москва: Московская Хельсинская группа, 2012.
2. Амальрик А. Записки диссидента. Анн Арбор: Ардис, 1982.
3. Безбородов А. Материалы по истории диссидентского и правозащитного движения в СССР 50-х–80-х годов: учебное пособие для студентов по курсу отечественной истории новейшего времени. Москва: Историко-архивный институт; Göttingen: Max-Planck-Institut für Geschichte, 1984.
4. Богораз Л. Об одной поездке // Антология самиздата. Неподцензурная литература в СССР. 1950-е–1980-е: в 3 т. Москва: Международный институт гуманитарно-политических исследований, 2005. Т. 2. С. 256–264.
5. Буковский В. И возвращается ветер... Санкт-Петербург: Захаров, 2007.
6. Буковский В., Глазман С. Пособие по психиатрии для инакомыслящих // Антология самиздата. Неподцензурная литература в СССР. 1950-е–1980-е: в 3 т. Москва: Международный институт гуманитарно-политических исследований, 2005. Т. 3. С. 147–160.
7. Григоренко П. В подполье можно встретить только крыс... Москва: Звенья, 1997.
8. Даниэль А. Диссидентство: культура, ускользающая от определений? // Россия/Russia. Вып. 1 [9]: «Семидесятые» как предмет истории русской культуры. Москва: О.Г.И., 1998. С. 111–124.
9. Кони А. Воспоминания о Вере Засулич // Избранные произведения: Воспоминания: в 2 т. Москва: Госюриздат, 1959. Т. 2. С. 7–248.
10. Короленко В. История моего современника // Собрание сочинений: в 10 т. Москва: Гослитиздат. Т. 6: 1954.
11. Нечкина М. Движение декабристов: в 2 т. Москва: Издательство Академии наук СССР, 1955. тт. 1–2.
12. Поэтка. Книга о памяти: Наталья Горбаневская / ред. Л. Улицкая. Москва: АСТ, 2014.

13. Русина Ю. Самиздат в СССР: тексты и судьбы. Екатеринбург, 2015. URL: <http://docplayer.ru/25979076-Yu-a-rusina-samizdat-v-sssr-teksty-i-sudby.html> (дата обращения: 10.01.2019).
14. Троицкий Н. Безумство храбрых. Русские революционеры и карательная политика царизма 1866–1882 гг. Москва: Мысль, 1978.
15. Шаламов В. Четвертая Вологда // Собрание сочинений: в 4 т. Москва: Художественная литература: Вагриус, 1998. Т. 4. С. 7–151.
16. Alexeyeva L., Goldberg P. The Thaw Generation: Coming of Age in the Post-Stalin Era. Boston: Little, Brown and Company, 1990.
17. Boobbyer P. Conscience, dissent and reform in Soviet Russia. London; New York: Routledge, 2005.
18. Horvath R. The Dissident Roots of Glasnost // Challenging Traditional Views of Russian History. London: Palgrave Macmillan, 2002. P. 173–202.

© Серебрякова Елена Геннадьевна (Serebrjakova@phipsy.vsu.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

